

polnischen Denkmälern, Archiv f. slav. Phil. IV, 29—62; O miękkich zgłoskach w języku staropolskim, Przegląd powszechny II, 219—240; 370—380; Przyćunek do historyi konjugacyi słowiańskiej, Prace filol. II, 1—84; 354—451; 599—665; III, 1—91; System konjugacyi polskiej, Muzeum V, 642—653; 726—740; 809—817; 892—900; Historiyę języka polskiego I, Lwow 1883 и проч. Труды эти для насъ интересны тѣмъ, что авторъ часто приводитъ славянскія слова, сохранившіяся у византійскихъ писателей. Въ этомъ отношеніи наиболѣе замѣчательнъ трудъ его: Studya nad historyą języka bułgarskiego, Rozprawу Akad. Umiejetnosci XIV (1891), 163—577, XV, 396—592—весьма цѣнный вкладъ въ изученіе вопроса о славянскихъ элементахъ въ греческомъ языкѣ, сохраняющій свое значеніе и послѣ появленія новѣйшихъ трудовъ Матова и Мейера, ибо здѣсь впервые обращено вниманіе на собственныя имена и географическія названія славянскаго происхожденія у византійскихъ писателей. Въ лицѣ Калины мы лишились послѣдняго изслѣдователя этого вопроса, на который обращали вниманіе Миклошичъ, Матовъ и Мейеръ, поэтому утрата его долго будетъ чувствоваться изслѣдователями греческаго языка.

М. Фасмеръ.

† Борисъ Михайловичъ Меліоранскій.

1-го Августа 1906 г., въ хирургической лечебницѣ д-ра Клемма въ Ригѣ, скончался и. д. экстраординарнаго профессора С.-Петербургскаго Университета и Высшихъ Женскихъ Курсовъ по кафедрѣ исторіи Церкви, магистръ богословія Борисъ Михайловичъ Меліоранскій.

Сынъ почтеннаго Михаила Ивановича Меліоранскаго, бывшаго въ послѣднее время въ Университетѣ секретаремъ Совѣта, и братъ умершаго 16 мая текущаго же года проф. СПб. Унив. по кафедрѣ Турецко-Татарской Словесности Платона Михайловича Меліоранскаго, Б. М. происходилъ изъ духовной и въ то же время изъ ученой среды. Со стороны отца—внукъ протоіерея церкви Екатерины Великомученицы на Васильевскомъ островѣ въ С.-Петербургѣ, а со стороны матери—профессора уголовного права (1845—1855) Дерптскаго Университета А. С. Жиряева († въ декабрѣ 1855 всего 43 г. отъ роду, состоя проф. СПб. Университета), бывшаго питомцемъ Главнаго Педагогическаго Института изъ воспитанниковъ Вологодской Духовной Семинаріи, Б. М. родился 19 октября 1870 г. въ Петербургѣ. Первоначальное воспитаніе и образованіе онъ получилъ подъ руководствомъ своей матери, которая отдавала всю свою душу, всѣ знанія и способности воспитанію своихъ дѣтей. Десяти лѣтъ отъ роду Б. М. былъ помѣщенъ въ первый классъ Реформатскаго училища, а затѣмъ переведенъ въ Училище при лютеранской церкви св. Екатерины, гдѣ и кончилъ курсъ по классическому отдѣленію въ 1888 году. Занятія въ училищѣ подъ руководствомъ директора Отто,

инспектора и учителя латинскаго языка Глезера и греческаго языка Шмидта, при отличной постановкѣ преподаванія и крайней малочисленности учениковъ (Б. М. былъ въ числѣ 3—4 въ классѣ), дали Б. М. прочную основу элементарнаго образованія и хорошее знакомство какъ съ новыми, такъ и съ древними языками. Греческимъ языкомъ онъ интересовался настолько, что, случалось, спорилъ и возражалъ учителю, а нѣмецкимъ владѣлъ, какъ роднымъ, и еще въ это время перечиталъ въ подлинникъ большую часть германской классической литературы. Впослѣдствіи Б. М. познакомился съ англійскимъ, коптскимъ, отчасти съ еврейскимъ и армянскимъ языками и такимъ образомъ былъ знакомъ въ концѣ жизни съ девятью языками.

Въ томъ же 1888 г. осенью Б. М. поступилъ на Историко-Филологическій факультетъ Спб. Университета, гдѣ занимался, главнымъ образомъ, подъ руководствомъ В. К. Эрнштедта, В. Г. Васильевскаго, А. И. Введенскаго, П. В. Никитина, С. Ф. Платонова и И. Е. Троицкаго, каедрю котораго онъ впослѣдствіи наследовалъ. Отъ студенческаго времени въ бумагахъ Б. М. сохранились два его реферата по Русской исторіи: 1) Изъ исторіи церковной жизни въ области Великаго Новгорода и Пскова, 2) Исторія литературной полемики по поводу монастырскаго землевладѣнія съ 1503—1531 г.

По окончаніи въ 1892 г. Университета съ дипломомъ первой степени по историческому отдѣленію Б. М. съ 1-го ноября 1892 г. былъ оставленъ при Университетѣ по кафедрѣ Русской Исторіи, первоначально на 2 года безъ стипендіи, хотя съ единовременнымъ пособіемъ въ 300 руб. Б. М. тогда же избралъ своею спеціальностью исторію Церкви, но такъ какъ Университетъ не имѣетъ права готовить молодыхъ ученыхъ къ этой кафедрѣ, занимаемой всегда богословами, то Б. М., оставленный на кафедрѣ Русской Исторіи, съ особаго разрѣшенія Св. Синода поступилъ въ Спб. Духовную Академію вольнослушателемъ и 29 октября 1895 г. получилъ степень кандидата богословія съ правомъ, безъ новаго устнаго испытанія, представить диссертацию на степень магистра. Ученикъ И. Е. Троицкаго по Университету и приготовленію къ кафедрѣ, въ Духовной Академіи Б. М. былъ ученикомъ главнымъ образомъ того же И. Е., читавшаго тамъ исторію и разборъ Зап. Исповѣданій, и В. В. Болотова, читавшаго исторію Церкви, а также А. Л. Катанскаго и Н. Н. Глубоковскаго. Объ обихъ своихъ почившихъ учителяхъ-историкахъ, которыхъ онъ высоко цѣнилъ, какъ ученыхъ, профессоровъ и людей, Б. М. сохранилъ самую теплую и благодарную память, выразившуюся въ написанныхъ имъ некрологахъ: И. Е. Троицкаго въ Журналѣ М. Н. Пр. (за 1901 г. декабрь) и В. В. Болотова въ Византійскомъ Временникѣ (1900 г., т. VII, № 3).

Находясь въ Академіи Б. М. не порывалъ связей съ Университетомъ, гдѣ срокъ его оставленія при кафедрѣ ежегодно продолжался вплоть до 1-го ноября 1897 г. Однако, кромѣ нравственной, Университетъ не давалъ Б. М. никакой поддержки, вслѣдствіе чего Б. М. принялъ предло-

женіе академика А. А. Куника заняться изученіемъ источниковъ византійской исторіи и по его порученію составлялъ перечень византійскихъ грамотъ и писемъ VIII—XIV вѣковъ ¹⁾.

Плодомъ этихъ занятій была его первая напечатанная научная статья: «Къ исторіи противоцерковныхъ движеній въ Македоніи въ XIV вѣкѣ», помѣщенная въ 1895 году въ сборникѣ «Вѣнокъ» (Stephanos) въ честь 30-лѣтія ученой дѣятельности Ѳ. Ѳ. Соколова, и работа о рукописяхъ и сборникахъ писемъ преп. Θεодора Студита, доложенная въ засѣданіи Ист.-Фил. Отдѣленія Академіи Наукъ 10 апрѣля 1896 г. и впослѣдствіи напечатанная въ Запискахъ Императорской Академіи Наукъ по Ист.-Фил. отдѣленію VIII серія, т. IV, № 5, 1899 г. 62 стр. in 4° съ V таблицами подъ заглавіемъ: Перечень Византійскихъ грамотъ и писемъ. Выпускъ I. Документы 784—850 годовъ. Введеніе. Нѣсколько словъ о рукописяхъ и изданіяхъ писемъ преп. Θεодора Студита. Въ 1894 г. при Академіи Наукъ начался изданіемъ «Византійскій Временникъ». По приглашенію В. Г. Васильевскаго и В. Э. Регеля Б. М. принялъ на себя составленіе библиографическихъ отчетовъ по текущей германской ученой литературѣ о Византіи, и не оставлялъ этой работы цѣлыхъ десять лѣтъ, аккуратно представляя ее трижды въ годъ, начиная со 2-й книги. Кромѣ библиографіи Б. М. помѣстилъ затѣмъ въ Виз. Вр. одну самостоятельную статью, двѣ рецензіи и одинъ некрологъ и, состоя въ составѣ редакціи, принималъ въ изданіи дѣятельное участіе. Б. М. давалъ библиографическія свѣдѣнія также въ журналѣ Krumbacher'a «Byzantinische Zeitschrift».

Вѣроятно въ связи съ занятіями византійской литературою VIII—IX вѣковъ для изданія, предпринятаго Академіею, Б. М. впервые глубоко погрузился въ исторію и сущность иконоборчества, надъ которымъ затѣмъ не переставалъ работать до конца своей жизни признавая, что споръ иконоборцевъ съ православными представляетъ «глубокій философскій интересъ», о чемъ онъ говорилъ уже въ своей магистерской диссертациі (см. выноски на стр. 29). Тогда же, надо думать, и указалъ Б. М. В. Г. Васильевскій на неизданную рукопись: *Νουθεσία γέροντος περὶ τῶν ἁγίων εἰκόνων* («Наставленіе старца о св. иконахъ»), и посовѣтовалъ позаняться ею, какъ интереснымъ образчикомъ популярнаго проповѣдничества въ защиту иконъ и монашества. Съ этою цѣлью съ 6 марта по 1 ноября 1897 г. Б. М. былъ командированъ Университетомъ въ Москву въ Синодальную Библиотеку и хранящуюся тамъ рукопись *Νουθεσία* (подъ № 197) сдѣлалъ предметомъ своей магистерской диссертациі.

Весною того же 1897 г. въ засѣданіи ист.-ф. факультета СПБ. У. Б. М. прочиталъ двѣ пробныя лекціи на право чтенія лекцій въ каче-

1) Осталась цѣлая серія карточекъ, составляющихъ результатъ этого труда и содержащихъ этотъ перечень съ изложеніемъ содержанія каждаго документа въ немъ помѣщеннаго; за смертью А. А. Куника дѣло это заглохло въ Академіи Наукъ, но перечень этотъ слѣдовало-бы напечатать.

ствѣ привать-доцента и съ 1 іюля былъ зачисленъ въ составъ привать-доцентовъ съ правомъ начать лекціи съ осени 1897 г. Здоровье занимавшаго каведру исторіи Церкви въ Университетѣ И. Е. Троицкаго въ это время сильно разстроилось и Б. М. былъ приглашенъ факультетомъ читать общій курсъ исторіи Церкви въ помощь Ивану Егоровичу. Свою профессорскую дѣятельность Б. М. открылъ 3-го октября 1897 г. вступительной лекціей на тему: «Новооткрытыя Λόγια Ἰησοῦ, какъ церковно-историческій источникъ», въ которой изслѣдовалъ недавно открытый недалеко отъ Каира папирусный фрагментъ съ апокрифическими изрѣченіями Спасителя (напечатана въ Ж. М. Н. Пр. за 1897 г.). Съ тѣхъ поръ Б. М. не прекращалъ чтенія общаго курса исторіи вселенской и исторіи русской церкви вплоть до 1904 г. включительно. Первый и второй учебные годы 1897—1899 были посвящены исторіи вселенской Церкви съ самаго ея начала до IX вѣка. Въ 1899—1900 Б. М. читалъ два общихъ курса: осенью исторію вселенской Церкви до раздѣленія церквей; весной исторію русской Церкви до Патріарха Никона. Кромѣ того Б. М. особо читалъ исторію евреевъ отъ Маккавеевъ до возстанія Бар-Кохбы. На текущій 1906—1907 г. имъ были объявлены: курсъ Исторіи русской Церкви до учрежденія Патріаршества, а также разборъ источниковъ по исторіи древней Церкви. Но ихъ не суждено было начать покойному.

Необходимость усиленно работать надъ составленіемъ лекцій замедлила приготовленіе магистерской диссертации, которая появилась въ началѣ 1901 г. подъ заглавіемъ: «Георгій Киприянинъ и Іоаннъ Іерусалимлянинъ, два малоизвѣстныхъ борца за православіе въ VIII вѣкѣ» (СПБ. 1901, 8,° стр. I—XXXIX — изданіе Νοεμβρία и 131 стр. объяснительнаго текста и выводовъ). 1-го марта диссертация была представлена въ совѣтъ СПБ. Д. Академіи. Официальными оппонентами были назначены: э.-о. проф. по кае. патристики свящ. Т. А. Налимовъ и доц. по кае. общей ист. Церкви А. И. Бриллиантовъ и оба дали самыя хорошіе отзывы о работѣ Б. М. (см. Журн. Сов. СПБ. Д. А. за 1900—1901 г., стр. 261—273). Диспутъ состоялся въ СПБ. Духовной Академіи 5 іюня 1901 года и 26 іюня Б. М. былъ утвержденъ Св. Синодомъ въ степени магистра Богословія, безъ предварительной провѣрки профессорскихъ отзывовъ кѣмъ либо изъ епархіальныхъ архіереевъ, какъ это обыкновенно дѣлается, лишь по словесному заявленію о качествахъ диссертации митрополита Антонія (Дѣло 2 ст. I отд. Канц. Св. Синода 1901 года № 283). Рѣчь предъ защитою диссертации напечатана Б. М. въ Христіанскомъ чтеніи за 1901 годъ подъ заглавіемъ «Къ исторіи иконоборчества»—5 ноября 1901 г. Б. М. былъ назначенъ и. д. экстраорд. проф., въ каковомъ званіи остался до смерти. Нѣсколько ранѣе, въ Ж. М. Н. Пр. Б. М. напечаталъ отрывокъ изъ своего университетскаго курса «Вопросъ о древности каноническихъ евангелій», а также началъ принимать участіе въ Энциклопедическомъ Словарѣ Брокгауза и Ефрона.

Въ 1900 году Б. М. вступилъ въ число дѣйствительныхъ членовъ Теофилологическаго и Философскаго Обществъ, и въ засѣданіи перваго изъ нихъ 20 марта 1900 г. прочиталъ свой первый публичный докладъ «О переводахъ Фауста на русскій языкъ» и предложилъ опытъ своего стихотворнаго перевода двухъ отрывковъ (болѣе 300 стиховъ) первой части этой трагедіи, чѣмъ обнаружилъ, что онъ не былъ лишенъ и поэтическаго дарованія. Сравненіемъ переводовъ съ оригиналамъ Б. М. доказывалъ, что нѣтъ русскихъ переводовъ вполне и цѣликомъ удовлетворительныхъ, но въ каждомъ изъ нихъ есть очень удачныя мѣста; чтобы издать Фауста по русски слѣдовало бы такимъ образомъ собрать лучшее у многихъ переводчиковъ. Въ Философскомъ Обществѣ 11 октября 1901 г. Б. М. прочиталъ докладъ: «Философская сторона иконоборчества». Въ немъ Б. М. указалъ, что теоретическое разногласіе иконоборцевъ и православныхъ сводится къ вопросу: совмѣстима ли вѣра въ изобразимость Богочеловѣка съ ученіемъ о Его Существовѣ IV—VI вселенскихъ соборовъ; г. о. разногласіе ихъ было не метафизико-богословскаго, а философско-гносеологическаго характера, при чемъ оказалось, что въ своихъ опроверженіяхъ иконоборческихъ доводовъ о неопикуемости и неизобразимости Христа православные, не сознавая того, въ сущности стояли на точкѣ зрѣнія той гносеологіи, которая, со времени Канта, носитъ названіе критической гносеологіи. Докладъ этотъ имѣлъ для самого Б. М. большое значеніе и тогда же обратилъ на себя вниманіе, но Б. М. уклонился отъ его напечатанія, несмотря на полную его обработанность, желая прежде найти новыя данныя для подтвержденія своей мысли о значеніи критической философіи для православнаго святоотеческаго богословія періода вселенскихъ соборовъ. Съ тѣхъ поръ Б. М. былъ постоянно занятъ этой мыслью и, собирая матеріалы, часть ихъ предложилъ тому же Философскому Обществу и Христіанскому Содружеству учащейся молодежи въ видѣ доклада «о догматѣ св. Троицы». Эта мысль должна была составить сущность его докторской диссертации, написать которую онъ не успѣлъ.

Рядомъ съ этими работами Б. М. напечаталъ въ 1901 г. въ «Сборникѣ статей по классической филологіи въ честь П. В. Никитина по поводу 30-лѣтія служенія его русскому Просвѣщенію (Commentationes Nikitinae)» СПб. 1901 г. статью: «Бесѣда на обрѣтеніе нерукотвореннаго Камуліанскаго образа, приписываемая св. Григорію Нисскому» (стр. 317—328) и въ 8 томѣ (вып. 1—2, стр. 1—30) «Византійскаго Временника» — статью: «Изъ семейной исторіи аморійской династіи», — результатъ кропотливаго изученія нѣкоторыхъ источниковъ по византійской исторіи IX вѣка. Между прочимъ первая статья, о Камуліанскомъ образѣ, представляетъ изъ себя изданіе греч. текста бесѣды по рукописи Моск. Син. Библ. (Mosq. № 197 л. л. 177^b—182^b), съ которой ему пришлось познакомиться при изученіи рукописей для диссертации. Бесѣда эта была напечатана Э. Добшютдомъ, въ его: *Christusbilder. Untersuchungen zur christlichen*

Legende (Texte u. Unters. N. F. V. III, Hefte 1—4) съ очень неисправнаго текста рукописи Vatic. reg. sues. gr. 49 (L). Богословскій и церковно-историческій анализъ этой бесѣды, относимой имъ въ магистерской диссертациі къ X в., а въ статьѣ о ней — къ началу X в. или концу IX, Б. М. отложилъ до другого раза, котораго вновь не представилось. Занятый изслѣдованіемъ идейно-религіозной стороны иконоборчества, ради изученія армянскаго языка и армянскихъ и грузинскихъ древностей, а также ради личнаго ознакомленія съ догматическими воззрѣніями современныхъ армяно-григорьянъ, лѣтомъ 1902 г. Б. М. посѣтилъ въ Закавказьи г. Эчмиадзинъ. При этомъ Б. М. проѣхалъ черезъ Кавказскій хребетъ по рѣдко посѣщаемой военно-имеретинской дорогѣ и сфотографировалъ множество видовъ живописной и дикой природы ледниковъ, ущелий и горныхъ рѣкъ. Путешествіе это доставило большое удовлетвореніе эстетическому чувству Б. М., который вмѣстѣ съ тѣмъ не преминулъ извлечь изъ него и реальную пользу. Свои фотографіи онъ передалъ В. П. Семенову для помѣщенія ихъ въ ближайшемъ, посвященномъ Кавказу томѣ «Описанія Россіи», издаваемого А. Ф. Девриеномъ, подъ редакціей В. П. Семенова и подъ общимъ руководствомъ П. П. Семенова и В. И. Ламанскаго. Изъ Эчмиадзина Б. М. вывезъ нѣсколько неизданныхъ сочиненій, оригинальныхъ армянскихъ и переводныхъ, и предполагалъ изданіе ихъ въ 1904 году. Въ томъ же 1902 году Б. М. былъ приглашенъ читать исторію Церкви на В. Ж. Курсахъ и съ тѣхъ поръ читалъ тамъ свои лекціи по университетскому плану. Приблизительно въ ноябрѣ 1904 г. по инициативѣ нѣкоторыхъ оставленныхъ при Курсахъ и слушательницъ созданъ небольшой кружокъ для занятій теоріей познанія. Кружокъ искалъ себѣ руководителя въ занятіяхъ и съ приглашеніемъ предсѣдательствовать обратился къ Б. М. По своей скромности онъ принялъ на себя эту роль лишь подъ условіемъ участія въ кружкѣ проф. А. И. Введенскаго и бывалъ въ немъ постоянно. Можно сказать, что Б. М. сдѣлался душою кружка, придавъ его занятіямъ теоретической философіей характеръ замѣчательной теплоты и жизненности. Онъ умѣлъ всегда отгѣнять религіозно-нравственную сторону и значеніе философскихъ проблемъ (особенно замѣтно это было при занятіяхъ кружка Лейбницемъ) и, обладая съ одной стороны обширными богословско-философскими свѣдѣніями, а съ другой — рѣдкой способностью остраго анализа и смѣлаго синтеза сужденій, онъ приходилъ на помощь въ вопросахъ, вызывавшихъ недоумѣнія, и способствовалъ разсвѣянію религіозныхъ сомнѣній. Рядомъ съ этимъ Б. М. никогда не отказывалъ въ совѣтахъ, въ рекомендаціи и даже въ доставленіи собственныхъ и библиотечныхъ книгъ, и въ смутные дни летаргіи учебныхъ заведеній собиралъ кружокъ въ своей квартирѣ. Въ теченіе почти двухъ лѣтъ своей дѣятельности кружокъ успѣлъ заняться лишь рационализмомъ и эмпиризмомъ — до Канта. Теперь именно предстояло Б. М. развернуть во всю ширь свою эрудицію относительно Канта, которымъ онъ занимался. Но сдѣлать этого не было ему суждено.

Съ самаго основанія Б. М. участвовалъ въ Христіанскомъ Содружествѣ у. м. Онъ былъ однимъ изъ немногихъ профессоровъ университета, къ которымъ основатели Содружества могли обратиться за поддержкой и руководствомъ въ занятіяхъ, и Б. М. со свойственной ему отзывчивостью сразу откликнулся и сталъ дѣятельнымъ членомъ какъ самого Содружества, такъ и его Комитета. Б. М. былъ уже на открытіи Содружества 11-го апрѣля 1903 г. и съ тѣхъ поръ часто присутствовалъ на его засѣданіяхъ, скромно сторонясь отъ какой либо видной роли. Его едва удалось уговорить быть предсѣдателемъ одинадцатаго собранія 7 апрѣля 1904 г. на рефератѣ А. З. Кунцевича «Существенные элементы понятія Церкви Христовой *воиствующей*» и послѣ того онъ былъ предсѣдателемъ 12-го собранія 12 окт. 1904 г. на реф. бар. М. Ф. Таубе «Объясненіе В. Соловьевымъ догмата о *filioque*», и 21-го собранія 29 марта 1905 г. по поводу преній о реф. Б. А. Надеждина: «Церковь и свѣтское образованное общество». Послѣдній разъ онъ предсѣдательствовалъ на собраніи 21 февр. 1906 на реф. М. Н. Захарова «Христіанство и Соціализмъ», при чемъ высказался за несовмѣстимость того и другого между собою. Въ качествѣ предсѣдателя Б. М. прекрасно руководилъ преніями, примирялъ противниковъ и въ своихъ заключеніяхъ давалъ такія освѣщенія затронутыхъ вопросовъ, открывалъ такія новыя стороны и добавлялъ необходимыя научныя свѣдѣнія, что присутствовавшимъ многое становилось яснымъ и они расходились съ расширеннымъ умственнымъ и нравственнымъ кругозоромъ. Здѣсь какъ и въ другихъ кружкахъ и въ Университетѣ онъ умѣлъ вліять на слушателей и въ частности на молодежь своими основательными богословско-философскими свѣдѣніями, яснымъ сознаніемъ, строгой логикой и увлекательной искренностью. Б. М. одинаково живо отозвался на открытіе спеціальнаго Женскаго Хр. Содружества и одинъ разъ на собраніи его предсѣдательствовалъ. Живое участіе принималъ Б. М. и въ засѣданіяхъ Комитета Х. Содружества и въ послѣдній разъ уже мучимый болѣзнью былъ на немъ предъ публичнымъ собраніемъ въ память Ѳ. М. Достоевскаго (26 февраля 1906 г.), на которомъ онъ даже думалъ принять участіе, но затѣмъ по нездоровью принужденъ былъ отказаться. Дважды Б. М. выступилъ въ Содружествѣ въ качествѣ докладчика. На 14 и 15 собраніяхъ 16 и 30 ноября 1904 г., состоявшихся подъ предсѣдательствомъ Преосв. Антонія Волынскаго, Б. М. сдѣлалъ докладъ о догматѣ Св. Троицы. Онъ явился плодомъ его занятій въ 1904 г. твореніями св. Отцевъ и среди нихъ сочиненіями, приписываемыми Діонисію Ареопагиту, которыя успѣшно подтверждали его давнишнюю мысль о значеніи критической философіи для православнаго богословія святоотеческаго періода. Докладъ о Троицѣ былъ прочитанъ Б. М. въ 1904 году сначала въ Философскомъ Обществѣ, а затѣмъ повторенъ въ Содружествѣ. Въ немъ Б. М. доказывалъ, что вѣра сама по себѣ не обязываетъ христіанина примыкать къ тому или иному типу гносеологіи (раціонализму или критицизму) и что крити-

ческая теорія познанія сама по себѣ не только не исключается православіемъ, но съ многихъ точекъ зрѣнія составляетъ для него выгодную и давно предчувственную философскую позицію, и что догматы могутъ быть переформулированы въ терминахъ современной философіи, и самъ Б. М. понятіе ипостаси въ ученіи о св. Троицѣ предлагалъ замѣнить терминомъ «самосознаніе». Чтеніе доклада длилось около трехъ часовъ съ перерывами и произвело сильное впечатлѣніе не только новизною выставленнаго положенія, но также чрезвычайно объективною критикою воззрѣній Льва Толстого и недавно умершаго Узенера на догматы Троицы и ученіе о троичности. И этотъ докладъ какъ и докладъ объ иконоборцахъ Б. М. отказался напечатать, желая сдѣлать его частью докторской диссертациі, которой думалъ посвятить 1905 годъ. Въ 1904 г. Б. М. былъ занятъ также ознакомленіемъ съ сочиненіями и жизнеописаніями палестинскихъ и египетскихъ монаховъ первыхъ вѣковъ христіанства и предполагалъ сдѣлать о восточномъ монашествѣ докладъ въ Историческомъ Обществѣ при С.-Петербургскомъ Университетѣ. При этомъ Б. М. предполагалъ подвергнуть провѣркѣ взглядъ на монашество А. Гарнака, выраженный имъ въ его брошюрѣ «Das Mönchtum, seine Ideale und seine Geschichte» (шестое изд. 1903), и характеризовать отличіе восточнаго монашества отъ западнаго по тѣмъ задачамъ, которыя ставили себѣ аскеты. Эта работа была еще въ стадіи собиранія матеріала, который Б. М. и завѣщалъ для обработки одному изъ своихъ учениковъ. Но въ это время событія во внутренней жизни Россіи и въ ея университетахъ приобрѣли слишкомъ острый характеръ. Университетъ былъ закрытъ и вопросъ объ его открытіи на весеннее полугодіе 1905 г. горячо оспаривался всѣми. Политика широкой струей ворвалась въ учебныя заведенія и охватила не только студентовъ, но и профессоровъ. Событія очень повліяли на отзывчивую натуру Б. М., который, дорожа достоинствомъ высшихъ учебныхъ заведеній, считалъ своимъ долгомъ принимать самое дѣятельное участіе въ засѣданіяхъ Совѣта Университета, [а также Высшихъ женскихъ Курсовъ]. Здѣсь онъ горячо отстаивалъ (вмѣстѣ съ старшимъ братомъ своимъ П. Мих. Меліоранскимъ) ту мысль, что учебныя занятія должны продолжаться въ учебныхъ заведеніяхъ, несмотря ни на какія политическія обстоятельства, и что вносить политику въ учебныя заведенія крайне опасно и вредно для учащихся и для просвѣщенія, а стало быть—и для Россіи. Скромный Б. М. вдругъ выступилъ на общественное поприще, составлялъ резолюціи, привлекалъ себѣ единомышленниковъ изъ почтенныхъ ученыхъ и заявилъ въ «Новомъ Времени» о несостоятельности легенды о профессорской забастовкѣ. Б. М. и не подозревалъ, что его горячая замѣтка прозвучитъ ироніей надъ тѣми изъ профессоровъ, кто дѣйствительно, подъ прикрытіемъ неблагопріятныхъ для занятій обстоятельствъ, въ сущности заявляли свой собственный протестъ правительству.

Въ сентябрѣ 1905 г. Б. М. впервые почувствовалъ припадки той бо-

лѣзнія, которая такъ преждевременно свела его въ могилу. Это были сначала слабыя, а потомъ становившіяся все болѣе и болѣе жестокими боли въ копчиковой и крестцовой части позвоночника, въ правой половинѣ таза и въ правой ногѣ. Болѣзнь эта оставалась неопредѣленною врачами до послѣднихъ недѣль его жизни. Всѣ, къ кому только онъ ни обращался, признавали, что это копчиковая и сѣдалпщная невралгія и какъ ни мучительна эта болѣзнь, но она должна пройти. Хирурги, къ которымъ онъ обращался для контроля, не находили никакихъ признаковъ какой либо опухоли, присутствіе которой можно было подозрѣвать въ виду упорства и жестокости болей. Въ такомъ состояніи Б. М. прожилъ всю осень и зиму 1905—1906 г. Въ началѣ мая въ сопровожденіи младшаго брата Б. М. отправился для леченія въ Погулянку, курортъ для нервныхъ больныхъ близъ Двинска, съ большою надеждою на выздоровленіе, такъ какъ въ эти дни ему стало настолько лучше, что, принужденный прежде для заглушенія болей принимать феноколъ дважды и болѣе въ день, въ это время онъ принималъ его 2 — 3 раза въ недѣлю. Но 16 мая скоростижно скончался его старшій братъ, профессоръ-оріенталистъ Платонъ Михайловичъ; это семейное горе страшно потрясло Б. М., немедленно возвратившагося въ Петербургъ, и хотя въ концѣ мая онъ снова уѣхалъ въ Погулянку въ сопровожденіи младшаго брата, но тамъ сталъ уже чувствовать себя хуже и хуже. 10 іюня онъ былъ перевезенъ своимъ братомъ въ Ригу въ спеціальную лечебницу доктора Кизерицкаго для нервныхъ больныхъ, въ которой пробылъ до половины іюля, когда перемѣщенъ былъ въ другую лечебницу, тамъ же Соколовскаго. Въ это время онъ уже почти не владѣлъ ногами, но врачи все еще утверждали, что это не органическое, а нерво-функциональное разстройство. Въ теченіе лѣта 1906 г. во время болѣзни онъ дважды приобщался св. Таинъ. Только во второй половинѣ іюля явилось подозрѣніе о какомъ то органическомъ пораженіи, и на консилиумѣ съ участіемъ хирурга была констатирована опухоль около прямой кишки. Рѣшено было оперировать въ предположеніи, что это гнойный нарывъ, хотя, увы, быть можетъ и туберкулезный. Для операціи Б. М. былъ перемѣщенъ въ концѣ іюля въ хирургическую лечебницу д-ра Клемма въ Ригѣ. Опухоль быстро росла. Обнадеженный новымъ заключеніемъ врачей, въ силу котораго слѣдовало предпринять новый, болѣе энергичный методъ леченія, послѣ долговременнаго утомительнаго и безплоднаго пользованія водолеченіемъ и электричествомъ, Б. М. просилъ ускорить операцію. Она была сдѣлана 1-го августа утромъ. Оказалось, что опухоль — есть студенистая саркома, первоначально образовавшаяся на внутренней поверхности крестцовой кости и медленно разраставшаяся въ полости таза. У истощеннаго 11 мѣсячной мучительной болѣзнью организма не достало силъ для борьбы со смертью. Не пробуждаясь отъ наркоза, по окончаніи тщательно сдѣланной операціи Б. М. скончался.

Несмотря на мучительную болѣзнь, невозволявшую сидѣть, Б. М.,

не оставлялъ своихъ любимыхъ занятій. Осенью 1905 г., лежа въ постели онъ изучалъ сочиненія кн. С. Н. Трубецкого и написалъ свой послѣдній трудъ: «Теоретическая философія С. Н. Трубецкого», прочитанный имъ затѣмъ 28 февраля 1906 г. въ годичномъ собраніи Философскаго Общества при СПб. Университетѣ, посвященномъ памяти С. Н. Трубецкого, и напечатанный въ 82 кн. «Вопросовъ философіи и психологіи» за 1906 г. Не задолго до самой смерти, уже глубоко сомнѣваясь въ выздоровленіи, на полулистѣ почтовой бумаги, въ постели, карандашомъ, нетвердой рукою, Б. М. сдѣлалъ набросокъ плана своей докторской диссертациі, которую онъ предполагалъ озаглавить: «Догматы о Богочеловѣчествѣ Иисуса Христа и его философско-историческое значеніе». Въ этой работѣ должны были найти свое полное раскрытіе и подтвержденіе его мысли о соотношеніи критической философіи и христіанской догматики, которыми онъ былъ занятъ въ теченіе всей своей ученой дѣятельности столь даровитой, хотя страшно кратковременной.

Б. М. Меліоранскій умеръ въ самомъ разцвѣтѣ силъ — не полныхъ 36 лѣтъ отъ роду. Обладая большими дарованіями, разносторонними талантами и широкими научными свѣдѣніями, Б. М. успѣлъ приготовить, обработать и передать наукѣ очень немногое изъ того, что имъ было задумано. Окружающіе съ любовью и вниманіемъ слѣдили за его работами, въ которыхъ было все ново, и ждали отъ его дѣятельности большихъ пріобрѣтеній. Богу было угодно пресѣчь его жизнь совсѣмъ неожиданно...

Основательный ученый Б. М. былъ рѣдкимъ человѣкомъ и убѣжденнымъ общественнымъ дѣятелемъ. Въмѣстѣ съ разносторонними недюжинными способностями, съ самаго дѣтства Б. М. обладалъ нѣжной и впечатлительной душою. Рассказываютъ, что однажды, гуляя съ родными въ возрастѣ лѣтъ восьми, онъ услышалъ разговоръ о возможномъ когда нибудь паденіи земли на солнце, вслѣдствіе предполагаемаго движенія ея около него по спиральной линіи. Б. М. вдругъ громко и безутѣшно разрыдался и, когда его спрашивали о причинѣ неожиданныхъ слезъ, онъ съ трепетомъ воскликнулъ: «Господи, что съ землей то будетъ!...» Другой разъ, тоже во время прогулки, онъ вдругъ вырвался изъ рукъ няни и бросился въ сторону бѣжать чрезъ канавы и рытвины. Когда окружающіе задержали его и въ недоумѣніи спрашивали о причинахъ его поступка, разъясняя, что перескакивая чрезъ рытвины онъ могъ повредить себѣ ноги, Б. М. съ одушевленіемъ воскликнулъ: «для бабочки, я жизни не пожалѣю!» Эта то впечатлительность была основою его живого интереса ко всему окружающему. Онъ увлекался ловлей бабочекъ, усердно и успѣшно занимался ихъ опредѣленіемъ и восторгался ихъ красотой. Въмѣстѣ съ братьями онъ составилъ большую коллекцію ихъ, одну изъ лучшихъ въ Петербургѣ. Въ юности онъ также много читалъ по естествознанію и въ бытность свою на кондичіяхъ въ Крыму занимался ботаникою и составленіемъ гербарія. Любя

природу и любуясь ею какъ человѣкъ съ развитымъ эстетическимъ чувствомъ, онъ рано началъ рисовать и рисовалъ такъ недурно, что извѣстный русскій жанристъ А. И. Корзухинъ, семья котораго была близка къ семьѣ Б. М., даже совѣтовалъ ему поступить въ Академію Художествъ. Послѣ Б. М. остались рисунки и среди нихъ прекрасно исполненныя копии съ фотографическихъ карточекъ его матери, П. И. Чайковского и другихъ, а также и эскизы иконъ, навѣянные работами В. Васнецова. На каждой выставкѣ картинъ можно было встрѣтить Б. М. съ каталогами въ рукахъ, внимательно разсматривающаго, не смотря на свою близорукость, картины, которыя онъ понималъ и умѣлъ цѣнить. Б. М. не былъ чуждъ также и музыкѣ и поэзіи, хотя стиховъ своихъ никогда не печаталъ, а только однажды, какъ было сказано, публично читалъ свой переводъ отрывковъ изъ первой части Фауста. Разносторонность Б. М. сохранялъ втеченіе всей своей жизни и никогда не замыкался въ своей спеціальности.

Характеристика Б. М. была бы совершенно не полной, если бы не было сказано, что онъ былъ человѣкомъ вѣрующимъ и православно-настроеннымъ. Работая въ области исторіи Церкви, какъ ученый, онъ былъ всегда строго объективенъ въ своихъ заключеніяхъ; однако для его слушателей было очевидно, что къ предмету своей науки онъ относится съ тою особенной теплотою, какая свойственна только людямъ вѣрующимъ. Читаясь въ литературу своей науки, онъ постепенно приходилъ къ убѣжденію въ объективной истинности православія и существенныхъ элементовъ церковнаго преданія, и надо было видѣть, какъ Б. М. радовался этимъ своимъ выводамъ...

Б. М. любилъ людей и жизнь, на которую смотрѣлъ, какъ на поприще нравственнаго подвига. Поэтому, между прочимъ, онъ никогда не отказывался отъ работы, отъ участія въ кружкахъ и обществахъ, если только чувствовалъ, что его участіе можетъ быть полезно. При всемъ нерасположеніи своемъ, въ силу своего психическаго склада, къ политической дѣятельности, онъ счелъ своимъ долгомъ отстаивать высшія учебныя заведенія для науки. Будучи человѣкомъ очень скромнымъ, до искренней обидчивости за похвалу, Б. М. очень тяготился публично выступать съ докладами. Тѣмъ не менѣе, онъ не находилъ возможнымъ отказываться отъ этого, когда его побуждали къ этому близкіе ему люди, которыхъ онъ цѣнилъ и уважалъ. При этомъ онъ не жалѣлъ ни здоровья, ни времени. Особенно тепло онъ относился къ своимъ ученикамъ и ученицамъ, въ которыхъ онъ старался поддержать и развить любовь къ наукѣ, вѣру въ торжество добра и истины, утѣшить ихъ въ личномъ горѣ.

Б. М. Меліоранскій былъ однимъ изъ очень рѣдкихъ людей нашего времени. Утрата его для русскаго просвѣщенія и для всѣхъ, кто его лично зналъ и любилъ, — очень ощутительна и не легко вознагражима.

Списокъ ученыхъ трудовъ Б. М. Меліоранскаго.

1. Къ исторіи противоцерковныхъ движеній въ Македоніи въ XIV вѣкѣ, помѣщена въ сборникъ «Вѣнокъ» (Stephanos) въ честь тридцатилѣтія ученой дѣятельности Ѳ. Ѳ. Соколова. Спб. 1895, 8°, стр. 62—72.
2. Перечень византійскихъ грамотъ и писемъ. Выпускъ I. Документы 784—850 годовъ. Введеніе. Нѣсколько словъ о рукописяхъ и изданіяхъ писемъ преподобнаго Феодора Студита. Съ пятью таблицами. Записки И. Академіи Наукъ, VIII серія, томъ IV, № 5 по Ист. Фил. Отдѣленію. Спб. 1899, 4°, стр. 1—62.
3. Бесѣда на обрѣтеніе нерукотвореннаго Камуліанскаго образа, приписываемая св. Григорію Нисскому. Commentationes Nikitinianae. Сборникъ статей по классической филологіи въ честь П. В. Никитина по поводу тридцатилѣтія служенія его русскому просвѣщенію. Спб. 1901, 8°, стр. 317—328.
4. Къ Исторіи иконоборчества. Рѣчь предъ магистерскимъ коллоквиумомъ 5 іюня 1901 г. по поводу диссертаци: «Георгій Кипрянинъ и Іоаннъ Іерусалимлянинъ». Христ. Чтеніе 1901 г., августъ, стр. 292—298.
5. Георгій Кипрянинъ и Іоаннъ Іерусалимлянинъ, два малоизвѣстныхъ борца за православіе въ VIII вѣкѣ. Спб. 1901 г. 8°, стр. I—XXXIX + 1—131.
6. Василій Васильевичъ Болотовъ. Некрологъ. Византійскій Временникъ, VII т., № 3, 1900 г., стр. 614—620.
7. Рецензія на книгу Б. Тураева, Изслѣдованія въ области агіологическихъ источниковъ исторіи Эіопіи. Византійскій Временникъ 1903 г. т. X, № 1—2, стр. 164—172.
8. Рецензія на книгу А. А. Васильева, Византія и Арабы. II. Византійскій Временникъ 1903, т. X, № 3—4, стр. 507—517.
9. Изъ семейной исторіи аморійской династіи. Византійскій Временникъ 1901, т. VIII, № 1—2, стр. 1—38.
10. Библиографическіе отчеты въ первыхъ десяти томахъ Византійскаго Временника за 1894—1903 г. по текущей германской литературѣ о Византіи.
11. Новооткрытыя Αβύλα Ἰησοῦ, какъ церковно-историческій источникъ. Журналъ М. Нар. Просв. 1897 г., декабрь, отд. II, стр. 447—465.
12. Вопросъ о древности каноническихъ евангелій. Журн. М. Нар. Просв. 1898 г., сентябрь, отд. II, стр. 73—136.
13. Иванъ Егоровичъ Троицкій Некрологъ. Журн. М. Нар. Просв. 1901 г., декабрь, отд. II, стр. 106—114.
14. Въ Энциклопедическомъ Словарѣ Изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона:
  1. Римская церковь. Полутомъ 52, стр. 721—724.
  2. Церковная исторія. Полутомъ 55 (посвященный Россіи), стр. 807—808.
  3. Сектанство. Полутомъ 57, стр. 324—330.

4. Секуляризація въ Россіи. Тамъ же, стр. 332—334.

5. Христіанство: Введеніе и § 1, условія, встрѣченныя евангельской проповѣдью въ Іудеѣ и Палестинѣ. § 2, Первоначальная проповѣдь въ Палестинѣ и отношеніе іудейства къ палестинскимъ іудеямъ-христіанамъ. § 3, Очеркъ первоначальной христіанской литературы. § 11, Очеркъ христіанскаго вѣроученія въ первые три вѣка существованія христіанской церкви. Полутомъ 74, стр. 635—647; 674—679.

6. Христось. Тамъ же, стр. 700—708.

15. Теоретическая философія С. Н. Трубецкого. Рѣчь, произнесенная въ годовомъ собраніи Философскаго Общества при СПб. Университетѣ 28 февраля 1906 г. Вопросы Философіи и Психологіи. Кн. 82, 1906 г., стр. 197—222.

Навель Верховской.

† Иванъ Васильевичъ Помяловскій.

(Род. 16 іюня 1845, сконч. 28 сентября 1906).

Во второй половинѣ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія, когда русскіе византилисты чествовали своего знаменитаго собрата, проф. К. З. Крумбаха, одинъ изъ участниковъ торжества поднялъ бокаль между прочимъ за И. В. Помяловскаго, какъ за византиниста. Покойный скромно и не безъ смущенія могъ только произнести: какой я византинистъ! Тѣмъ не менѣе взоры всѣхъ обратились въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ покойный, и каждый изъ нихъ горячо привѣтствовалъ своего commilito, зная, что покойный завоевалъ себѣ почётное мѣсто среди русскихъ византинистовъ въ извѣстной области.

Сынъ протоіерея, Иванъ Васильевичъ выросъ въ обстановкѣ священника. На весь характеръ его легла черта духовности, почти на всю его учено-литературную дѣятельность легъ отпечатокъ духовнаго міросозерцанія. Мальчикомъ онъ почувствовалъ въ себѣ призваніе къ изученію древнихъ языковъ, въ университетѣ, подъ руководствомъ проф. Лапшина, онъ занялся преимущественно изученіемъ римской литературы. По окончаніи курса онъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ Германіи, гдѣ слушалъ лекціи Моммзена и Ричля, а также въ Италіи, гдѣ онъ между прочимъ списалъ всѣ латинскія надписи богатаго Ватиканскаго собранія. По возвращеніи въ Россію, покойный въ 1869 г. защитилъ диссертацию на степень магистра римской словесности («Маркъ Теренцій Варронъ Реатинскій и Мениппова Сатура»), а четыре года спустя диссертацию и на степень доктора («Этнографическіе этюды»).

Первый періодъ въ дѣятельности покойнаго характеризуется наличностью его весьма почтенныхъ работъ въ области классической филологіи и литературы ¹⁾. Во второмъ періодѣ, обнимающемъ послѣднія

1) Перечень трудовъ его приведенъ въ Энциклопедическомъ словарѣ Брокгаузъ-Ефрона, въ Словарѣ профессоръ С.-Петербургскаго университета и въ Некрологѣ покойнаго, составленномъ И. И. Холодякомъ (Ж. М. Н. Пр. 1906, ноябрь).